

В.М. Розин

Уточнение понятия «объект» в дискурсе современного научного познания

Розин Вадим Маркович – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: rozinvm@gmail.com

Речь в статье идет о проблеме различения понятий «идеальный объект», «объект изучения», «вещь в себе», а также корреспондентного, постмодернистского и культурно-исторического подходов. Автор, отталкиваясь от ситуации правильного изложения взглядов Аристотеля на движение, ставит вопрос об общих условиях анализа и понимания философских текстов и излагаемой в них реальности. Приводятся два противоположных истолкования утверждений Стагирита. Если с точки зрения корреспондентной теории осмысление Аристотелем движения и его причин выглядит ошибочным, то в постмодернистской оптике эти взгляды рассматриваются как правомерные, обусловленные языковой игрой. С позиции культурно-исторического подхода аристотелевское и галилеевское объяснения движения и его причин представляют собой два разных способа мышления и изучения, которые автор анализирует. Характеризуются понятия, позволяющие разобраться в ситуации разных интерпретаций античных и современных научных исследований. По мнению автора, «идеальные объекты» позволяют мыслить непротиворечиво, решать проблемы и задачи, стоящие перед ученым (философом), осмыслять факты. Помимо кантианского понимания «вещи в себе» добавляется еще одно – это понятие позволяет не только помыслить познаваемый предмет, но и понимать его как феномен (как реальное явление), включая все его реальные проявления. Когда в проекции на феномен учитываются также способы мышления, вводится понятие «объект изучения» (у Канта – «явление», «предмет»). Эффективность использования различий указанных трех типов объектов демонстрируется сначала на осмыслении учений о движении, созданных Аристотелем и Галилеем, затем на примере исторических версий объяснения феномена тепла. Рассмотренный материал позволяет развести еще три понятия: «объекты первой природы», «артефакты» (их создает человек) и «социальные объекты», которые формируются в культуре. Последние в своем

формировании проходят три этапа: на первом они замышляются и существуют в нарративной и виртуальной форме, на втором происходит реализация замысленных построений в социальной жизни, на третьем этапе появляется и начинает развиваться новый социальный феномен, который уже можно изучать.

Ключевые слова: объект, явление, феномен, мышление, личность, опыт, действительность, реальность, понимание, движение

С точки зрения современной физики многие положения, сформулированные Аристотелем о законах и причинах движения, выглядят ошибочными. Например, Е.А. Мамчур пишет следующее:

Действующий в науке фильтр способен “выбраковывать” то, что не является адекватным действительности. Причем не только то, что *кажется* таковым представителям новой культуры, но что *на самом деле является* неверным. Утверждения Аристотеля о том, что тела падают с разным ускорением, зависящим от массы падающих тел, были неверны не только с точки зрения новой физики. Они были неверны и в эпоху Аристотеля. Правда, в античности они *считались* истинными. Но ведь и в античности, как и в Новое время, тела падали с одинаковым ускорением (курсив Е.А. Мамчур. – В.Р.) [Мамчур, 2004, с. 219–220].

В то же время сама Мамчур отмечает, что необходимым условием установления правильного закона было введение новых понятий (например, понятия «масса»), единого взгляда на разные типы движений (например, на падение тяжелых и легких тел), интерпретации наблюдаемых фактов движения в рамках галилеевского эксперимента.

Многое, – пишет Мамчур, – оставалось непонятным в отношении самого экспериментального факта. Почему все-таки тяжелые и легкие тела падают с одинаковым ускорением? Для того чтобы это объяснить, нужно было ввести в рассмотрение представление о гравитационной и инертной массах и доказать их равенство (это было сделано позднее Ньютоном). Тогда рассматриваемый факт получал красивое и убедительное объяснение: тела более тяжелые (имеющие большую гравитационную массу) имеют и большую инертную массу. А она характеризует сопротивление тела движению. Тело более тяжелое, обладающее большей гравитационной массой, «стремится» и падать быстрее, но его большая инерционная масса «не дает» ему это сделать [Там же, с. 176].

Вряд ли эти положения могли быть установлены в античной философии времен Стагирита. М. Хайдеггер прямо говорит, что к механике Аристотеля нельзя подходить с понятиями современного естествознания:

Не имеет смысла говорить, что современная наука точнее античной. Так же нельзя сказать, будто галилеевское учение о свободном падении тел истинно, а учение Аристотеля о стремлении легких тел вверх ложно; ибо греческое восприятие сущности тела, места и соотношения обоих покоится на другом истолковании истины сущего и обуславливает, соответственно, другой способ видения и изучения природных процессов. Никому не придет в голову утверждать, что шекспировская поэзия пошла дальше эхилловской. Но еще немислимее говорить, будто новоевропейское восприятие сущего вернее греческого [Хайдеггер, 1993, с. 42].

Опять же и Мамчур указывает на ряд положений, повлиявших на установление физических законов, которые не могли иметь места в античной культуре: «единство научного знания», «возможность получить доступ к финансовым ресурсам», «удобство и простота оперирования языком науки», «эффективная организация знания», «точность предсказания», «широта поля приложимости теории», «математическая строгость», «способность решать проблемы», «соответствие культуре» [Мамчур, 2004].

Возникает вопрос, каким образом, учитывая оба взгляда на механические исследования Аристотеля, нужно понимать представления Стагирита о законах движения, а также объяснение им причин движения. Ведь и последние с точки зрения современного естествознания ошибочны. *Естественное* движение (например, свободное падение) Стагирит объясняет стремлением тел к «своему месту», а *насильственное* – силой, прикладываемой к телу.

Под естественным, – пишет М.А. Гуковский, – понимается движение, происходящее без воздействия какой-либо силы; по классической аристотелевской концепции оно вызвано врожденным всему сущему стремлением к своему месту, той точке, в которой сосредоточена как бы вся сущность стихии, из которой состоит данное тело. Движение, вообще говоря, может происходить по всем направлениям, но движение естественное может происходить только в одном направлении, определяемом, для расположенной в пространстве телесной точки, линией, соединяющей эту точку с центром мира или, что то же самое, с центром земли... если тело стремится вниз вследствие врожденного в самом его веществе стремления соединиться со свойственным ему местом, то естественно, что чем больше в нем этого вещества, с тем большей скоростью оно будет к этому месту стремиться [Гуковский, 1947, с. 19, 24].

Самое трудное в концепции насильственного движения было осмысление полета брошенного тела. Здесь Аристотель вводил два положения, полученные из наблюдений: что «все движущее необходимо бывает движимо чем-то» (за исключением того, что имеет начало движения в себе самом, например человек или бог) и что человека с движущим телом связывает среда (воздух, вода). Опираясь на эти положения, Стагирит утверждает, что

при бросании тела происходит *последовательная* передача движения через промежуточную среду. Бросающий как бы сообщает способность двигаться либо воздуху, либо воде, либо «чему-нибудь иному подобному, что по природе своей способно и двигать, и двигаться». Когда движущее перестает двигать, движимое перестает *двигаться*, однако оно сохраняет еще *способность двигаться* нечто другое, а потому действительно движет соприкасающееся с ним (курсив А.Т. Григорьяна, В.П. Зубова. – В.Р.) [Григорьян, Зубов, 1962, с. 71].

С точки зрения корреспондентной теории Аристотель, формулируя законы и причины движения, действительно, ошибается, поскольку, как утверждают, Е.А. Мамчур, Л.Б. Баженов и В.А. Лекторский, «*фундаментальное естествознание в отличие от прикладного имеет своей целью познание объективной действительности такой, как она есть сама по себе*» [Мамчур, Баженов, Лекторский, 2000, с. 37]. Но по Аристотелю объективная действительность (сущность) движения одна, а по Галилею и Ньютону совершенно другая. Однако,

возможно, в данном случае, как в гуманитарной науке, нужно учесть позицию исследователя (как писал В. Дильтей: «Возможность постигнуть другого – одна из глубоких теоретико-познавательных проблем... Условие возможности состоит в том, что в проявлении чужой индивидуальности не может не выступать нечто такое, чего не было бы в познающем субъекте» [Гайденко, 1969, с. 247–248])? Нет, вряд ли в естественных науках формулируется принцип независимости познания от установок и ценностей исследователя. «Является ли ценностная нейтральность фундаментальных исследований в области естествознания... недостатком науки? Конечно нет: единственная цель и задача этого типа деятельности состоит в том, чтобы добывать объективное истинное знание, независимое от мнения людей, их пристрастий и намерений» [Мамчур, 2004, с. 37].

Однако с точки зрения «постмодернистской теории», включающей в себя и конструктивистскую концепцию, поскольку не существует *метанарративов*, постольку, следовательно, нет никакой объективной действительности самой по себе и одинаково истинны законы движения как Аристотеля, так и Галилея с Ньютоном. Для постмодернизма, пишут Х. Плакроуз и Д. Линдс, характерно

скептическое отношение к объективной реальности; конструирование языка как инструмента производства знания; “конструирование” индивида и роль, которую во всем этом играет власть... постмодернизм опирается на полный отказ от *корреспондентной теории истины*, то есть от точки зрения, что существует объективная истина... Научное рассуждение интерпретируется как *метанарратив* – всеобъемлющее объяснение того, как устроен мир, а ко всем подобным объяснениям постмодернизм подходит с позиции радикального скептицизма. В постмодернистском мышлении известное является таковым лишь в рамках культурной парадигмы, которая произвела данное знание и, следовательно, отражает ее структуры власти (курсив Х. Плакроуза и Д. Линдси. – *В.Р.*)» [Плакроуз, Линдси, 2022, с. 27, 39, 41].

Трудно согласиться с тем, каким образом постмодернисты трактуют культуру и ее парадигмы. Если нет метанарративов и объективной реальности, то нет и культуры как предельной онтологии. Постмодернисты настаивают на анализе и деконструкции языка и мышления, но понимают их вовсе не как культурные реалии. По сути, язык и культура для постмодернистов – это реальности модерна. Настоящий культурно-методологический подход, напротив, предполагает разведение разных культур и входящих в них парадигм мышления и языка.

С точки зрения культурно-методологического подхода взгляд Аристотеля на движение как происходящее «по природе» существенно отличается от современного, характерного для философии естествознания. Хотя в обоих случаях движение рассматривается как природный процесс, понимание природы у Аристотеля и в естествознании нового времени существенно различаются. Как я показываю в книге «Природа: Понятие и этапы развития в европейской культуре», имеет смысл развести «четыре идущих от Аристотеля понимания природы: природа как *условие эффективного практического действия*, природа как *сущность вещей* (явлений), природа как *мышление*, природа как *самодвижение*. Вряд ли Аристотель осознавал различие этих типов: он был уверен, что все эти природы – просто аспекты мыслительного постижения природы.

Именно в мышлении устанавливается сущность вещей, которая обеспечивает эффективность практического действия за счет самодвижения, присущего вещам “по природе”. Однако мы в свете последующей истории можем в этом усомниться. Непротиворечивость знания не обеспечивает решение проблем, стоящих перед человеком, сущность в аристотелевском понимании не позволяет построить эффективное практическое действие (за исключением получения непротиворечивого знания и объяснения), самодвижение нас интересует, только если оно, как писал Ф. Бэкон, “стеснено искусством техники”» [Розин, 2017, с. 68]. Одни характеристики движения в «Физике» Аристотеля были получены им в результате снятия противоречий Зенона, другие – в ходе эмпирических наблюдений отдельных видов движения, осмысленных в родовидовой картине мира, третьи сконструированы для объяснения причин движения.

Природа у Галилея понимается уже не только в чисто естественной модальности, но и в искусственной, причем компетенция конструирования природных процессов, считает ренессансный ученый, принадлежит не только Богу, но и человеку. Сущность процессов природы и факторы, определяющие их (т.е. *механизм* действия природы), могут быть схвачены и описаны в математике. Цель научного исследования природы – не только построение непротиворечивого знания и объяснение, но и выявление законов природы, позволяющих ей овладеть (рассчитывать, прогнозировать, управлять природными процессами) [Там же, с. 121–134]. Как пишет Р. Баттс:

1) Наука трактует не о тех вещах, о которых говорят нам наблюдения невооруженным глазом, но о тех экспериментальных возможностях, которые выразимы в математических терминах.

2) На определенном регулятивном уровне – на уровне, где методологические соображения перевешивают онтологические, – экспериментирование не является попыткой подтвердить теорию повторами, экспериментирование оказывается скорее способом усмотрения теоретических возможностей, причем эти возможности всегда зависят от взгляда на реальность как на набор математических свойств.

3) Материя недоступна для обычного восприятия, она суть физически интерпретированная геометрия...

Эти положения предполагают, что наука должна быть готова иметь дело с вымышленными ситуациями. Эксперимент в конечном счете есть именно создание не-нормальных (с точки зрения стандартов здравого смысла), артефактных ситуаций. Конечное заключение очевидно: научный опыт – тот вид опыта, который мы обязаны иметь, чтобы определить истинность или ложность математических возможностей, – а совсем не тот вид опыта, о котором Аристотель и его последователи говорили как о базовом [Баттс, 1989, с. 81–82].

Действительно, галилеевский поворот состоял в том, что Галилей, во-первых, приписывал движению характеристики, заданные математическими построениями, во-вторых, представил изучаемый природный процесс в форме механизма (природного процесса и определяющих его факторов, причем некоторые из них были доступны человеку), в-третьих, обнаружив расхождение эмпирических наблюдений с теоретическими, привел в эксперименте техническим путем природный процесс в соответствие с математическими построениями [Розин, 2017, с. 130–133].

Продумывая рассмотренную здесь ситуацию, имеет смысл рассмотреть основные точки зрения на учение Аристотеля о движении (корреспондентную интерпретацию, постмодернистскую и культурно-методологическую), а также различить понятия «идеальный объект», «объект изучения», «вещь в себе», без которых было невозможно осмыслить указанные интерпретации.

Хотя идеальные объекты строились еще в античной философии (ведь определения, которые стали во избежание противоречий давать предметам, фиксировали только некоторые свойства предметов), почву для этого понятия подготовила «Критика чистого разума» И. Канта.

Но свет, – пишет Кант, – открылся тому, кто первый доказал теорему о *равнобедренном треугольнике* (безразлично, был ли это Фалес или кто-то другой); он понял, что его задача состоит не в исследовании того, что он усматривал в фигуре или в одном лишь ее понятии, как бы прочитывая в ней ее свойства, а в том, чтобы создать фигуру посредством того, что он сам *a priori*, сообразно понятиям мысленно вложил в нее и показал (путем построения). Он понял, что иметь о чем-то верное априорное знание он может лишь в том случае, если приписывает вещи только то, что необходимо следует из вложенного в нее им самим сообразно его понятию (курсив И. Канта. – *В.Р.*)» [Кант, 1964, с. 84–85].

Идеальные объекты создаются ученым или философом путем приписывания изучаемым явлениям (объектам) определенных характеристик (свойств). Как я показываю, конструирование идеальных объектов в целом решает три основные задачи: возможность рассуждать (доказывать) без противоречий, решать проблемы и задачи, стоящие перед исследователем, осмыслять факты (эмпирический материал) [Розин, 2018, с. 59–60]. Например, Аристотель в «Физике» приписал движению как идеальному объекту такие характеристики, которые позволили: а) снять апорию Зенона (для этого Стагирит предложил изображать время в отрезке и делить его до бесконечности), б) непротиворечиво помыслить движение (движение характеризуется им с помощью категорий «сущность», «суть бытия», «вещь», «форма», «материал», «возможность», «действительность», «способность», «качество», «количество», «состояние»), в) объяснить наблюдаемые в опыте факты («понятия и категории определяются Аристотелем относительно друг друга и организуются в такую систему, которая, как показывает анализ, позволяет выразить эмпирические смыслы, зафиксированные в описаниях различных движений, а также объяснить затруднения, возникающие в рассуждениях о движении») [Там же, с. 157–167]. Для Галилея движение как идеальный объект задавалось иначе: на основе идеальных объектов геометрии, а остальные характеристики, в том числе ряд заданных Аристотелем, соотносились, с одной стороны, с этими идеальными объектами, с другой – со свойствами движения, приведенного в эксперименте в соответствие с идеальными объектами геометрии [Там же, с. 205–216].

Понятие «вещь в себе» является, как известно, конструкцией Канта.

Мы, – пишет Кант в предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума», – можем познавать предмет не как вещь в себе, а лишь постольку, поскольку он объект чувственного созерцания, то есть как явление. При этом, поясняет Кант, у нас всегда остается возможность если и не *познавать*, то

по крайней мере *мыслить* эти предметы также как вещи в себе. Ведь в противном случае мы пришли бы к бессмысленному утверждению, будто явление существует без того, что является (курсив И. Канта. – В.Р.) [Кант, 1964, с. 93].

Но я бы добавил в это понятие еще одну важную характеристику: понятие вещи в себе позволяет не только помыслить познаваемый предмет, но и взять (понять) его как *феномен* (реальное явление), включая все *реальные проявления* (для движения это соответственно все наблюдаемые свойства движения). В этом случае вещь в себе – это объективная реальность, с которой имеют дело и архаический человек (он тоже наблюдал движущиеся тела), и Аристотель, и Галилей с Ньютоном. Но в отличие от Стагирита Галилей наблюдал не только те же самые явления, что и Аристотель (например, что тяжелые тела падают с большим ускорением, чем легкие), но и движение в экспериментальных условиях, когда тяжелые и легкие тела падали с одинаковым ускорением.

Иначе говоря, понятие «вещь в себе» позволяет отчасти объяснить как связь представлений о движении у разных ученых, так и их различие. Но только отчасти, с точностью до *способов мышления*. Если в проекции на феномен учитываются последние, то приходится вводить понятие «объект изучения» (у Канта это «явление», «предмет»). Объект изучения у Аристотеля задается понятиями «природа», «начало», «сущность», причем интересно, что «первая сущность», по Аристотелю, совпадает с вещами. Получается, что движение как объект изучения есть не только вещь (феномен), поэтому можно в опыте наблюдать свойства движения, но одновременно и то, что происходит «по природе», а также начало и сущность, которые Аристотель понимает как причины движения.

Для Галилея движение как объект изучения задается тоже понятием природы, но понимаемой иначе, а именно как «написанной на языке математики» и примерно так, как ее охарактеризовал Ф. Бэкон, т.е. «стесненной искусством» (техникой). Бэкон пишет:

Что касается содержания, то мы составляем Историю не только свободной и предоставленной себе природы (когда она самопроизвольно течет и совершает свое дело), какова история небесных тел, метеоритов, земли и моря, минералов, растений, животных; но, в гораздо большей степени, природы *связанной и стесненной*, когда *искусство и служение человека выводит ее из обычного состояния, воздействует на нее и оформляет ее...* природа Вещей сказывается более в *стесненности посредством искусства*, чем в собственной свободе (курсив мой. – В.Р.) [Бэкон, 1936, с. 95–96].

Вот еще один пример, свидетельствующий о важности этих различий, – история понимания сущности тепла. Как вещь в себе тепло было известно еще с древнейших времен. Первый, архаический способ мышления (вера в души) породил анимистическое понимание тепла – это особая душа (огня, солнца и пр.). Второй, причинное объяснение, привел к пониманию тепла как одной из стихий (первоначало огонь). Третий, тоже рациональный – к пониманию тепла как невесомой тепловой жидкости (флюида), «теплорода». Четвертый – к современной теории, объясняющей тепло движением частиц вещества. В 1798 г. английский ученый Б. Томсон, граф Румфорд, наблюдал за сверлением

каналов в орудийных стволах, и его поразило выделение большого количества теплоты при этой операции. Усомнившись в существовании теплорода, он решил поставить ряд специальных опытов. Так, в помещенной под воду металлической болванке высверливалось отверстие с помощью тупого сверла, которое приводилось в движение силой двух лошадей. Спустя два с половиной часа вода закипела. Руморд вспоминал изумление окружающих, ставших свидетелями того, как большая масса воды закипала без огня. Из проведенных опытов он «сделал вывод, что никакого теплорода не существует, а причина теплоты заключается в движении» [Теплород, web].

В данном случае понятие тепла как вещи в себе позволяет считать, что эмпирические проявления тепла были известны всем историческим участникам ситуации познания (за исключением сверления стволов пушек; этот феномен был создан искусственно только в XVIII столетии). Но тепло как объект изучения существенно различается в разных культурах и эпохах – душа огня, стихия, теплород, движение частиц. При этом в последнем варианте появление нового объекта изучения было связано с формированием новой практики, которая обусловила и необходимость другого способа объяснения. В то же время теплород, огонь как стихия, движение частиц – это идеальные объекты, хотя и разные.

История со сверлением пушек заставляет развести еще три понятия: «объекты первой природы», которые никто не создавал, «объекты как артефакты» – их создает человек, и «социальные объекты», которые формируются в культуре. Движения, наблюдавшиеся Аристотелем, можно подвести под первое понятие. Падение тел разного веса в пустоте в экспериментах Торричелли, ученика Галилея, – под понятие объекта как артефакта (ведь на земле такого вида движения не существовало). По сути, Х. Гюйгенс, опирающийся на работы Галилея, вышел в своих работах на идею «техноприроды», т.е. природы, созданной человеком. Ярким примером последней является современное электричество, ведь оно не может существовать без электростанций, сетей передачи электрического тока и других технических сооружений. Если молнии во время грозы и статическое электричество относятся к объектам первой природы, то электричество к артефактам и техноприроде [Розин, 2016].

Исследование генезиса европейской социальности позволяет выдвинуть следующую гипотезу. В отличие от объектов первой природы и артефактов социальные объекты проходят в своем формировании, как правило, по меньшей мере три этапа. На первом они замышляются и существуют, так сказать, в нарративной и виртуальной форме. Например, первоначально европейское государство в культуре модерна задумывается в проектах Гоббса, Локка и Монтескье. Затем эти проекты начинают реализовываться в социальной жизни [Кревельд, 2006, с. 143–147]. То есть второй этап – конституирование (проектирование, формирование) замышленных социальных реалий. И только на третьем этапе появляется и начинает жить (развиваться) новый социальный феномен, который уже можно изучать. Только на третьем этапе государство становится как новый социальный феномен, и его со второй половины XIX в. начинают изучать (соответственно тогда уже можно говорить об идеальных объектах и объектах изучения). Нужно понять, действует ли эта закономерность относительно всех социальных объектов или только некоторых.

Если объекты первой природы существуют вечно (во всяком случае, мы так думаем), то социальные объекты – только определенный период, а могут и вообще не состояться. Человек социальные объекты замышляет, но реализовать эти замыслы удается не всегда. Например, Платон замышлял новую любовь («Пир») и новое идеальное общество («Государство»), но в античности реализовать удалось только первый социальный проект. В настоящее время мы присутствуем при замышлении проекта «прикладного постмодернизма». Плакроуз и Линдси пишут:

Если ранние посмодернисты разобрали по кирпичикам наше понимание знания, истины и общественных структур, то новые Теоретики выстроили его заново в соответствии с собственными нарративами, многие из которых отражали методы и ценности политического активизма новых левых... раз социальная несправедливость вызвана легитимизацией плохих дискурсов, рассудили они, то социальная справедливость может быть достигнута путем их делегитимизации и замены на хорошие... Теоретики 1980-х и 1990-х адаптировали постмодернизм к политике и институтам... По итогам прикладного поворота постмодернизм перестал быть способом описания общества и подрыва доверия к давно устоявшимся моделям реальности – теперь он стремился стать инструментом социальной справедливости... Если знание – это конструкт власти, предписывающий, что допустимо говорить и мыслить, то его можно изменить, а структуры власти – разрушить, поменяв это предписание [Плакроуз, Линдси, 2022, с. 59, 60, 78, 79].

Возникает вопрос: есть ли потенциальная почва для становления социального феномена, отвечающего этому проекту? Можно ли этот феномен конституировать как платоническую любовь в античности или государство, общество и право в Новое время? С одной стороны, проект прикладного постмодернизма выглядит как очередная утопия, обусловленная неадекватным марксистским способом истолкования социальной реальности (как несправедливой и детерминированной институтами власти). С другой стороны, ожидание масс очень совпадает с посылами этого проекта. Не повторится ли в данном случае похожая история, как в случае Марксова проекта построения социализма? Безусловно, социальная конкуренция и борьба показали нежизнеспособность социализма, построенного по упрощенным лекалам Марксова проекта, но выяснилось это только через 70 лет, а в настоящее время похожие идеи, только облаченные в постмодернистское прикладное одеяние, завоевывают мир.

Предложенные здесь различия, на мой взгляд, могут помочь как в реконструкции генезиса науки, так и описании разных типов наук и их сущности.

Список литературы

Баттс, 1989 – *Баттс Р.Е.* Тактика пропаганды Галилея в пользу математизации научного опыта // *Методологические принципы современных исследований развития науки* (Галилей). М.: АН СССР, ИНИОН, 1989. С. 121–134.

Бэкон, 1936 – *Бэкон Ф.* Новый органон. Л.: ОГИЗ – СОЦЭКГИЗ, 1935. 384 с.

Гайденко, 1969 – *Гайденко П.П.* Категория времени в буржуазной европейской философии истории XX века // *Философские проблемы исторической науки*. М.: Наука, 1969. С. 225–262.

Григорьян, Зубов, 1962 – Григорьян А.Т., Зубов В.П. Очерки развития основных понятий механики. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 274 с.

Гуковский, 1947 – Гуковский М.А. Механика Леонардо да Винчи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 815 с.

Кант, 1964 – Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799 с.

Кревельд, 2006 – Кревельд М. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.

Мамчур, 2004 – Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм: (К дискуссиям в современной эпистемологии). М.: ИФРАН, 2004. 242 с.

Мамчур, Баженов, Лекторский, 2000 – Мамчур Е.А., Баженов Л.Б., Лекторский В.А. Необоснованные претензии ниспровергателей естествознания // Судьбы естествознания: современные дискуссии. М.: ИФРАН, 2000. С. 30–39.

Плакроуз, Линдси, 2022 – Плакроуз Х., Линдси Д. Цинические теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого / Пер. с англ. Д. Виноградова. М.: Individuum, 2022. 384 с.

Розин, 2017 – Розин В.М. Природа: Понятие и этапы развития в европейской культуре. М.: ЛЕНАНД, 2017. 240 с.

Розин, 2018 – Розин В.М. История и философия науки. Учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд. М.: Юрайт, 2018. 414 с.

Розин, 2016 – Розин В.М. Формирование техноприроды // Розин В.М. Техника и технология: от каменных орудий до Интернета и роботов. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2016. С. 128–142.

Теплород, web – Теплород. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Теплород> (дата обращения: 09.03.2022).

Хайдеггер, 1993 – Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 41–63.

Clarification of the concept “object” in the present scientific discourse

Vadim M. Rozin

Institute of Philosophy RAS. 109240, Russian Federation, Moscow, st. Goncharnaya, 12, build. 1;
e-mail: rozinvm@gmail.com

The author, starting from the situation of the correct presentation in the course “History and Philosophy of Science” of Aristotle’s views on movement, raises the question of the general conditions for the analysis and understanding of philosophical texts and the reality presented in them. Two opposite interpretations of Stagirite’s statements are given. If from the point of view of the correspondence theory, Aristotle’s understanding of movement and its causes looks erroneous, then in postmodern optics these views are seen as legitimate, conditioned by a language game. From the standpoint of a cultural-historical approach, the Aristotelian explanation of movement and its causes and the Galilean explanation are two different ways of thinking and studying, which the author analyzes. Concepts that allow to understand the situation of different interpretations of ancient and modern scientific research are characterized. According to the author, “ideal objects” allow one to think consistently, to solve problems and tasks facing a scientist (philosopher), to comprehend facts. In addition to the Kantian understanding of “the thing-in-itself”, one more thing is added – this concept allows not only to think about the cognized object, but also to understand it as a phenomenon (as a real phenomenon), including all its real manifestations. When the ways

of thinking are also taken into account in the projection onto the phenomenon, the concept of “object of study” is introduced (in Kant, “phenomenon”, “object”). The effectiveness of using the distinctions of these three types of objects is demonstrated first by comprehending the teachings of movement created by Aristotle Galileo, then by the example of historical versions of the explanation of the phenomenon of heat. The considered material allows us to separate three more concepts: “objects of the first nature”, “artifacts”, they are created by a person, and “social objects” that are formed in culture. The latter in their formation go through three stages: at the first they are conceived and exist in a narrative and virtual form, at the second, the implementation of intentional constructions in social life takes place, at the third stage a new social phenomenon appears and begins to develop, which can already be studied.

Keywords: object, phenomenon, phenomenon, thinking, personality, experience, reality, reality, understanding, movement

References

Batts, R.E. “Taktika propagandy Galileya v pol’zu matematizatsii nauchnogo opyta” [Galileo’s propaganda tactics in favor of mathematizing scientific experience], *Metodologicheskie printsipy sovremennykh issledovaniy razvitiya nauki (Galilei)* [Methodological principles of modern research in the development of science (Galileo)]. Moscow: AN SSSR, INION Publ., 1989, pp. 121–134. (In Russian)

Bekon, F. *Novyi organon* [New Organon]. L.: OGI3 – SOTSEKGIZ Publ., 1935. 384 pp. (In Russian)

Gaidenko, P.P. “Kategoriya vremeni v burzhuaznoi evropeiskoi filosofii istorii XX veka” [The category of time in the bourgeois European philosophy of history of the twentieth century], *Filosofskie problemy istoricheskoi nauki* [Philosophical problems of historical science]. Moscow: Nauka Publ., 1969, pp. 225–262. (In Russian)

Grigor’yan, A.T, Zubov, V.P. *Ocherki razvitiya osnovnykh ponyatii mekhaniki* [Essays on the development of the basic concepts of mechanics]. Moscow: AN SSSR Publ., 1962. 274 pp. (In Russian)

Gukovskii, M.A. *Mekhanika Leonardo da Vinchi* [Mechanics by Leonardo da Vinci]. Moscow; L.: AN SSSR Publ., 1947. 815 pp. (In Russian)

Heidegger, M. “Vremya kartiny mira” [Time of the picture of the world], in: M. Heidegger, *Vremya i bytie* [Time and being]. Moscow: Republic Publ., 1993, pp. 41–63. (In Russian)

Kant, I. “Kritika chistogo razuma” [Critique of Pure Reason], in: I. Kant, Works in 6 vols. Vol. 3. Moscow: Mysl’ Publ., 1964. 1–799 pp. (In Russian)

Krevel’d, M. *Rastsvet i upadok gosudarstva* [Crevel’d The rise and fall of the state]. Moscow: IRISEN Publ., 2006. 544 pp. (In Russian)

Mamchur, E.A. *Ob’ektivnost’ nauki i relyativizm: (K diskussiyam v sovremennoi epistemologii)* [Objectivity of Science and Relativism: (Towards Discussions in Contemporary Epistemology)]. Moscow: IFRAN Publ., 2004. 242 pp. (In Russian)

Mamchur, E.A., Bazhenov, L.B., Lektorskii, V.A. “Neobosnovannye pretenzii nisprovergatelei estestvoznaniya” [Unreasonable claims of the overthrowers of natural science], *Sud’by estestvoznaniya: sovremennye diskussii* [Fates of natural science: modern discussions]. Moscow: IFRAN Publ., 2000, pp. 30–39. (In Russian)

Plakrouz, Kh., Lindsy, D. *Tsinicheskie teorii. Kak vse stali sporit’ o rase. Gendere i identichnosti i chto v etom plokhogo* [Cynical Theories. How everyone started arguing about race. Gender and identity and what’s wrong with that], trans. by D. Vinogradov. Moscow: Individuum Publ., 2022. 384 pp. (In Russian)

Rozin, V.M. “Formirovanie tekhnoprirody” [Formation of techno-nature], in: V.M. Rozin, *Tekhnika i tekhnologiya: ot kamennykh orudii do Interneta i robotov* [Technique and technology: from stone tools to the Internet and robots]. Yoshkar-Ola: PSTU Publ., 2016, pp. 128–142. (In Russian)

Rozin, V.M. *Istoriya i filosofiya nauki. Uchebnoe posobie dlya bakalavriata i magistratury* [History and philosophy of science. Study guide for undergraduate and graduate programs], 2nd ed. Moscow: Yurayt Publ., 2018. 414 pp. (In Russian)

Rozin, V.M. *Priroda: Ponyatie i etapy razvitiya v evropeiskoi kul'ture* [Nature: Concept and stages of development in European culture]. Moscow: LENAND Publ., 2017. 240 pp. (In Russian)

Teplorod [Calorid] [<https://ru.wikipedia.org/wiki/Teplorod>, accessed on 09.03.2022]. (In Russian)